

An impressionistic painting with thick, visible brushstrokes. The central figure is a person with light brown hair, wearing a pinkish-red garment, seen from the back and slightly to the side. They are in a landscape with green foliage and a reddish-pink bush or tree on the left. The overall style is painterly and textured.

Роман для нежных женских душ

Часть первая

12+

Наталия Потапова

Наталия Потапова

Роман для нежных женских душ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24918060
SelfPub; 2020*

Аннотация

Ольга Руис Прадо, русская по крови, испанка по воспитанию, швейцарка по жизни, оставшись одна, хочет не потерять себя в жизни. Попытки узнать прошлое делают внешне спокойную и успешную молодую женщину ранимой и беззащитной, но поражение – это не для нее. Кто станет ей другом, а кто предаст, живы ли ее родные, и ради чего она попытается отказаться от своей любви? Увлекательная интрига, юмор, красочные описания путешествий и праздников делают книгу интересной и познавательной.

Нарастая, тягучий звук органа заполнял внутреннее пространство старой католической церкви в пригороде Женевы. Сквозь высокие витражные окна струился мягкий свет, попадая в тень, таяли плавающие в нем мириады пылинок. Снаружи кипел радостный июньский день – шум проезжающих машин, голоса и смех прохожих, щебетание птиц. Мерно поскрипывала карусель, кружащаяся на соседней детской площадке...

Но массивные стены из серого камня не пропускали звуков и Ольга словно растворилась в цветном потоке свете, в густой и бесстрастной органной музыке. Ей казалось, что ее втянула в себя какая-то гулкая, герметически закрытая от внешнего мира пустота. Боль не исчезла, но она как-то притупилась, перестала пульсировать в каждой клеточке ее тела, и подступившее бессилие испугало Ольгу. Она крепко сжала сцепленные на коленях руки, заставила себя выпрямиться и чуть опустила веки, не сводя взгляда с установленного на возвышении темного полированного гроба. Гроб, согласно католическому обряду, был закрыт. Белые лилии – любимые цветы Пилар – почти целиком покрывали крышку, касаясь основания прикрепленного к ней тяжелого кованого распятия. Музыка стихла. В наступившей тишине приглушенно зазвучали голоса, скрипнула растворяемая дверь – одетые в черное служители не спеша выкатили катафалк...

* * *

Вот и все. Закончилась панихида, неслышно увозят гроб,

унесут цветы и Ольга встанет у дверей, принимая соболезнования и благодаря собравшихся за поддержку. Она не стала надевать темные очки – от кого прятать покрасневшие, но сухие глаза? Она должна быть мужественной, она не должна сломаться, не должна показать свою слабость. Именно такой хотела видеть свою дочь Пилар, именно так воспитывала свою ненаглядную девочку гордая испанка, до самого конца отчаянно боровшаяся со своей неизлечимой болезнью. «Никогда не отворачивайся, не отводи глаз, смотри жизни в лицо и не бойся. Умей держать удар и тогда тебя не сломают». Девочка всматривалась в лицо матери, не совсем понимая, почему ее попытаются сломать, но преодолевать страх она научилась очень рано. «Ты у меня храбрая, моя красавица», и маленькая Ольга готова была терпеть любую боль или неудобства, чтобы услышать эту похвалу. Похвалу, которую она уже никогда не услышит...

* * *

– Ты как, ничего? Держись, моя хорошая, – погладив руку Ольги, прошептала стоявшая рядом Мирель, сиделка, ставшей подругой и опорой Пилар в тяжелые последние месяцы болезни. – Держись. Пилар уже там – набожная Мирель подняла глаза к небу – и ей будет больно увидеть, как ты страдаешь. – Слабая улыбка тронула губы Ольги, она склонила голову к плечу сухонькой Мишель. – Да, да, конечно, все будет в порядке.

Церковь постепенно пустела. Народу пришло немного,

случайных людей не было. Коллеги по работе, несколько знакомых соотечественников-испанцев, помогавшая вырастить Ольгу старенькая няня. Близко знавшие эту замкнутую немолодую женщину они не могли не уважать Пилар за честность и благородство – качества, не слишком часто встречающиеся вообще, а в коллективах международных организаций – особенно.

Чему удивляться? Ни стабильная карьера, ни завидное материальное благополучие не смогли заменить этим людям привычную для их этноса среду, теплоту, а иногда и испепеляющий жар родственных отношений. За роскошной женеvской природой, за ухоженными парками города, многоцветной мозаикой его газонов и клумб, за прозрачностью озера не сразу почувствуешь коварный, гнетущий климат влажный низины, время от времени взрывающийся мощным ветром (биз), который лишь закрепляет подавленное состояние духа и усиливает желание забиться в свой теплый уголок и переждать, переждать унылые денечки. Утверждают, что только второе поколение родившихся в этом городе могут избежать этой незаметной на первый взгляд нелегкой участи, но для вновь приехавших, большинство которых и составляли "международники", депрессивный женеvский климат является роковым.

Замкнутая, беззаветно преданная своей дочери Пилар никогда не говорила о своем прошлом, тщательно оберегая и настоящее, свою личную жизнь. Она не переносила сплетен

и пересудов, но была отзывчивой и щедрой. В ее воистину испанском характере не было мелочности и окружающие всегда могли рассчитывать на ее помощь. Люди тянулись к ней, но она близко к себе никого не подпускала. И на это были свои причины.

Последние из собравшихся на панихиду вышли из церкви. – Какая прекрасная панихида, – подхватив под руку свою элегантную приятельницу, вполголоса проговорила пухленькая женщина, поправляя на голове темную косынку. – Ну да она ее заслужила, вытерпела столько. Какая стойкость! Никому и не пожаловалась, никаких снисхождений себе не просила. Хотя выглядела такой уставшей. Помнишь прошлогоднюю конференцию по информационным технологиям? Пилар меня несколько раз подменяла в вечернюю смену, а могла бы отказаться. И с терминологией разбирались вместе, даже бывало задерживались.

Элегантная дама присутствовала на отпевании только по долгу службы. Да, покойная отличалась характером... – сказала она и поискала глазами урну (не класть же измятый бумажный платок в свою лакированную сумочку). Коллег полагось провожать в последний путь, хотя лично она к покойной никаких теплых чувств не испытывала. – Тоже мне, эталон переводческого мастерства! – дама считала собственные переводы безупречными, коллективных обсуждений не признавала, а вполне оправданные замечания воспринимала как личное оскорбление. – Не спорю, покойная любила поискать

истину , но принципиальна была до педантизма.

– Не надо так, все-таки хороним ее сегодня. Да и как переводчику ей равных не было. Профессионал высшей пробы. Это все признавали. Да и в помощи никому не отказывала – пухленькая женщина огорченно вздохнула и отпустила локоть приятельницы, устремившейся к обтянутой блестящей полиэтиленовой пленкой урне. – И все же почему хорошие люди так рано уходят?..

* * *

Прошло несколько месяцев. Боль потери не отпускала Ольгу, но она привыкла к ней и научилась с ней справляться. Первые месяцы тяжелее всего было находиться в окружении тех вещей, тех запахов, напоминавших о прошлой жизни, где присутствие матери казалось реальным, где невозможно было примириться с мыслью о ее уходе навсегда. Прошлое не отпускало, острыми когтями рвало душу, не позволяя дышать.

И тогда Ольга решилась. Она поменяла квартиру, где каждая мелочь напоминала ей о смертельной болезни матери, отвезла в центр для малоимущих ее вещи, стерла из памяти мобильного номер ее телефона. И стала все реже слышать негромкое покашливание матери (заядлая курильщица, Пилар так и не смогла бросить курить). Повседневная жизнь диктовала свои законы, и удел живущих состоял в их исполнении. Это судьба, ее не изменишь, реальность надо принимать такой, какая она есть на самом деле. «Так ведь, ма-

ма?» – молча спрашивала она у черно-белой фотографии, с которой смотрела красивая горбоносая женщина, крепко прижавшая к себе смешливую белобрысую девчонку лет семи. Узкая рамка массивного серебра, в которую была вставлена фотография, матово блестела всякий раз, когда открывалась входная дверь и свет, отраженный в большом овальном зеркале, падал на стоявшую в передней темную консоль старинной испанской работы.

Мучительно переживая смерть матери, Ольга не страдала от одиночества. Она рано стала самостоятельной, еще в старших классах она зарабатывала репетиторством карманные деньги, что приучило девушку ценить собственную независимость. Крайне скромная в своих собственных тратах, мать никогда не ограничивала девочку в расходах, но, заметив нежелание Ольги заниматься бытовыми проблемами, как-то сказала ей: «Если ты не хочешь делать работу по дому – не делай. Но ты должна сама зарабатывать достаточно, чтобы платить людям, которые будут делать эту работу за тебя».

Самолюбивой Ольге не надо было повторять дважды. Девочка хорошо училась, ей нравилось быть первой в классе, она легко поступила в университет. Профессия матери была ей по душе – квалифицированный переводчик с университетским дипломом, с хорошей компьютерной подготовкой, свободно владеющий четырьмя языками весьма востребован в современном обществе. И зарабатывать она будет достаточно, чтобы «платить людям, которые будут делать эту ра-

боту за тебя».

Погруженная в воспоминания, Ольга словно наяву услышала хрипловатый голос матери, ее характерный жесткий испанский акцент в ставшем родным для них обоих жене-невском варианте французского языка. Когда Пилар волновалась, акцент усиливался. А волновалась она нередко, за внешней сдержанностью скрывалась натура нервная и легко ранимая. Проникнуться невозмутимым швейцарским спокойствием она так и не сумела, хотя и прожила в Женеве много лет.

Когда-то, в юности у нее была другая, наверно, просто счастливая жизнь – любящие родители, гулкая мадридская квартира в старинном доме у парка Ретиро. По вечерам мать Пилар отворяла решетчатые балконные двери, впуская в дом прохладу, присаживалась у туалетного столика, чтобы заколоть волосы и припудриться – выходила встречать возвращавшегося со службы отца и они гуляли по уходящим вдаль тенистым аллеям. Незаметно летели бурлящие, веселые, полные надежд и открытий студенческие годы...

* * *

Все переменялось в одночасье: от инфаркта умер отец (мать пережила его всего на несколько месяцев), а так романтично ухаживавший за Пилар жених бросил ее, спешно женившись на сокурснице, менее привлекательной, но более перспективной, чем осиротевшая дочь когда-то весьма влиятельного чиновника.

Внезапная смерть родителей и предательство любимого человека надломили Пилар. Она замкнулась в себе, долго болела и, выйдя из клиники, решила навсегда уехать из Мадрида, который так любила и всегда хранила в памяти. Она продала квартиру первому же покупателю и перебралась в Женеву. Не доверяя больше мужчинам, она вычеркнула их из своей жизни, полностью погрузившись в работу. Здесь ей повезло: она получила контракт во Всемирной организации электросвязи. Кто знает, может быть именно местная бесстрастность и размеренный, не дающий сбоев рабочий ритм помогли молодой женщине начать новую жизнь не только после Мадрида, но и после той трагической судьбоносной командировки в далекий Завир, откуда она вернулась уже не одна.

* * *

...Почувствовав, что замерзла, Ольга накинула серый оренбургский платок и подошла к окну, чтобы поплотнее задвинуть тяжелую белую штору – стрелка часов преодолела цифру одиннадцать, и отопление в доме уже выключили. Погруженная в сон Женева растянулась мерцающей гирляндой вдоль неподвижного темного озера. В глубине угадывались очертания гор, которые словно пытались отгородить полумиллионный город от превратностей современной жизни. Его покой нарушали лишь неугомонные байкеры, и редкие, но пронзительные сирены служебных машин – полиции или скорой помощи.

Ольга с детства любила долгие вечера, да и спать ей пока не хотелось. Подобрав под себя ноги, она устроилась на диване в своей любимой «турецкой» позе, аккуратно погладила уютно свернувшегося калачиком кота. Заложила за ухо упавшие на лоб густые русые волосы, взяла в руки фотографию, слегка прижалась к ней губами и повторила свой вопрос. «Так, мама? Ты всегда рядом со мной. Разве я одинока? Есть друзья, с Джеймсом мы ладим, а родные...».

Эта мысль ударила по хрупкой ночной тишине, разбила ее на мелкие разлетевшиеся осколки. Ольга закрыла лицо руками. Она не могла разобраться в своих чувствах. Ей хотелось спрятаться, отгородиться от тревожных мыслей. Какие они, ее далекие родственники? Почему они не искали ее все эти годы? Как встретят ее, почувствует ли она сердцем родство с ними, будет ли их общение искренним? Смогут ли они полюбить друг друга?

Родственников отца и матери она не помнила. Лишь иногда, как во сне, возникали неясные силуэты, знакомым казался чей-то голос и будоражили память внезапно налетевшие запахи – то ли паленой травы, то ли терпкого ржаного хлеба, то ли нежного ландыша...

Ольге не было и трех лет, когда Пилар ее удочерила. Когда девочка подросла, мать рассказала ей, что ее настоящие родители погибли при землетрясении и что ангел-хранитель девочки выбрал Пилар, чтобы она стала второй и единственной мамой для маленькой русской.

Любовь приемной матери так защищала девочку, так гре-
ла, так успокаивала, что она никогда не чувствовала себя си-
ротой. Интуитивно чувствуя, что вопросы о родителях при-
чиняют матери боль, Ольга старательно избегала таких раз-
говоров и со временем привыкла не ворошить прошлое, за-
прятав его в глубокий тайник. Зная, какую боль могут при-
чинять воспоминания, Пилар приучала дочь жить настоя-
щим и встречать лицом к лицу каждый новый день.

Но разве можно забыть эти слова, этот едва слышный, но
твердый голос, прозвучавший в упругой синтетической бе-
лизне больничной палаты? Врач напрасно пытался успоко-
ить теряющую последние силы Пилар. Исхудавшая, без кро-
винки в лице, она с трудом разомкнула ссохшиеся бесцвет-
ные губы, пытаясь приподняться навстречу склонившейся
дочери. – Не забывай, что ты не одна, – шептала умираю-
щая, – что ты не сирота, доченька... у тебя... у тебя есть род-
ные... в России...

* * *

–Эй там, – пошарив рукой у кровати, Лиза метнула бар-
хатной тапкой в закрытую дверь – ну-ка вырубите эти пес-
нопения! Нашли время Чечилию Бартоли слушать!

– Так Сергей Николаич велели включить. Сказали: в пол-
день включите, я так и сделала. Вам кофе в постель подать
или накрывать в зале? —Из приоткрывшейся двери с опас-
кой выглянула коренастая Света.

«В 3-а-але... Никак не научатся говорить нормально, по-

наехи тупые». Хотела приструнить, прикрикнуть «вам кто деньги платит, я или Сергей Николаич?, но поостереглась. Могут ведь и Сергею передать, не дай Бог! Ведь он может вспылить, обидеться или еще хуже – отчалить. А вот этого не хотелось бы...»

Розовая и припухшая Лиза стиснув подушку, сбросила на пол меховое покрывало. «Давно такого роскошного мужика у нее не было. Силы сколько, да и о ней не забывал, синхронизировался, вот что удивительно. И чертовски приятно! Не то что этот суслик Макс, который всю дорогу только своим «дружком» и любит. Было б чем любоваться...»

«Да, а как Сергей у нее-то очутился? Ведь обычно они у него на Поварской зависали. Не лофт, конечно, но евро-двушка сносная – салон, спальня (для двоих маловата, но она же не собирается там жить!) И душевая кабинка вполне себе, с гидромассажем...». Воспоминание о массаже заставило Лизу с наслаждением потянуться. «А-а-ах, какая это была ночь! Каждая клеточка откликнулась... Ну уж нет, Сергей Николаича мы никуда не отпустим!»

Еще раз сладко потянувшись, Лиза поднялась и нагишом прошлепала в собственную ванную комнату, представлявшую собой, по словам дизайнера Норы, «стильный хай-тек без привкуса гостиницы». То есть все серебристым металлом горит, а «источник света таинственно скрыт». Зеркальные панели, белые ковры, чистота и пространство, но вот косметика Лизина только что на потолке присутствует. Еще бы

не присутствовала, куда ж без нее, родимой? Как явить миру собственную неземную красоту без помощи чудодейственных кремов, вытяжек и корректирующих прибаамбасов? Вот они, баночки, тюбики и флакончики разноцветные, лучшие (после бриллиантов, естественно) друзья девушки.

Прицельными движениями Лиза отобрала необходимое. «Вроде не так уж много и выпила, и от кокоса воздержалась, а следы бурной вечеринки налицо – и это лицо требовало ухода». Стянув волосы широкой резинкой и бросив на широкое сидение мохнатое гранатовое полотенце, Лиза опустилась в стоящее перед створчатым зеркалом кресло и принялась за работу.

* * *

Задвинем дверь из массивного матового стекла и воспользуемся паузой, чтобы познакомить читателя с нашей героиней. Наделенная от природы приятной внешностью – яркие голубые глаза, темные слегка выющиеся волосы, ослепительная улыбка, демонстрировавшая не только ровные, в отрочестве исправленные умелым одонтологом зубы, но и пленительные ямочки на щеках, – Лиза казалась приветливой, беспечной, не знающей ни в чем отказа дочкой состоятельных родителей.

Все это верно. Ее действительно отличала жизнерадостность, неприятности она страшно не любила, и убедила себя, что в ее жизни их не существует. Превыше всего на свете Лиза ценила собственное удовольствие, а чужие несчастья,

волнения и переживания вызывали у нее раздражение, даже – страшно сказать – уныние. Поэтому Лиза не подпускала их к себе на пушечный выстрел. В ее комнате над уютным, обитым малиновой рогожкой креслом, висела старинная гравюра, на который был изображен неприступный замок, горделиво стоящий на вершине горы. Замок был окружен глубоким полноводным рвом, и мостков к нему изначально не предполагалось. Рыночная ценность гравюры была невысока, но о замене работы не могло быть и речи. Лиза привыкла ощущать себя владелицей такого замка.

Природная любознательность, папины деньги и распространившаяся мода на всевозможные дипломы дали ей возможность поучиться в двух отечественных и одном британском высших учебных заведениях. Как там у классика? «Мы все учились понемногу. Чему-нибудь и как-нибудь». Полученные знания можно было назвать глубокими лишь с очень большой натяжкой, но манипулировать ими Лиза умела блестяще. Особенно если речь заходила о современном искусстве. Поэтому выбор будущего места применения полученных знаний был очевиден: либо журналистика, либо арт-рынок. Поразмыслив, любящая покрасоваться, но практичная Лиза выбрала второе.

Вскоре на пересечении уютного старого переулочка и широкого бульвара появилась сверкающая стеклянными окнами в полстены художественная галерея. Просторный, умело освещенный полуподвал, три больших зала и глубокая ни-

ша, в которой разместились винтажное канапе и старинный письменный стол хозяйки галереи, располагали к проведению выставок, вернисажей и к тому неформальному общению людей одного круга, которое так ими ценится.

Финансовые затраты на галерею с лихвой компенсировались теми налоговыми льготами, которыми пользовался ее спонсор, он же отец Лизы. Случались и продажи. У галереи складывалась неплохая репутация, с ней сотрудничали многие художники. Не все из них были известными, но все были хорошими, крепкими мастерами.

"Неужели так проста и приятна галерейная деятельность, – спросит неискушенный читатель – что ее даже трудно назвать работой? Не скрыт ли здесь какой-то секрет?"

Конечно скрыт, и даже хорошо законспирирован, и в галерее разговоры на эту тему не поддерживались. По надежной рекомендации Лиза взяла на работу «негра» – молодого искусствоведа из ближнего зарубежья, который не только обладал удивительным художественным чутьем, но самоотверженно любил свою работу. Павел – долговязый, щуплый, в неизменном черном свитере – ездил по всей стране, и не щадя ни сил, ни времени выслушивал художников, обсуждал условия выставок, отбирал и привозил работы, а главное, мог часами говорить с автором о его творчестве. Заносчивые и одновременно легко ранимые творческие натуры не видели в длинноволосом посетителе своих мастерских заказчика. Он был свой, понимал их трудности, умел слу-

шать, не перебивая, и его темные глаза светились интересом, а иногда – восторгом, который Павел и не пытался скрыть при виде нового и талантливое. Но даже в эти минуты его воображение не покидал пленительный образ очаровательной владелицы галереи, снисходительный кивок которой в ответ на его тихое «Здравствуйте» он долго хранил в памяти. Многое бы он отдал, чтобы рядом была Лиза, чтобы с ней обсуждал бы он свои мысли и впечатления... Но пока он продолжал самозабвенно работать с авторами, готовить экспозиции, и писать для каталогов галереи прекрасные, прочувствованные тексты, как критические, так и рекламные. Вряд ли стоит ли говорить о том, что под этими текстами всегда стояла фамилия Лизы. Обладая отменной памятью, она часто проговаривала эти тексты при встрече с другими людьми, особенно в ходе интервью, и порой искренне верила в собственное авторство.

Страдало ли самолюбие Павла? Конечно, но он гнал эти мысли, в бесконечных размышлениях убеждая себя, что нужно просто немного подождать, что красавица Елизавета обязательно очнется от ежедневной суеты и обратит на него внимание, улыбнется ему, выслушает, представит всем как своего коллегу и... Продолжение казалось очевидным, но Павел боялся признаться в этом даже самому себе.

Ну, а если совсем начистоту, то пухлые конверты, которые он получал за свою работу, вынуждали его соблюдать поставленные условия: полная анонимность и неучастие в

публичных мероприятиях. Слухи о его деятельности, конечно, ходили, но доказательств не было, сам «негр» Павел молчал. Чувства – дело святое, кто ж спорит, но что делать, когда нет ни гражданства, ни регистрации, когда надо было не только платить за квартиру и на что-то жить, но и посылать деньги матери и сестрам. А как хотелось, подкопив денег, съездить в Италию, в Париж... Даже иногда снилось, как, прилетев на раскаленную каменную Мальту, он тихо входит в полутемный собор и видит воочию "Усекновение главы Иоанна Крестителя" несравненного Караваджо, магическая сила которого ощущается даже в книжных иллюстрациях...

* * *

Елизавета о чувствах Павла не догадывалась, воспринимая его как часть рабочего цикла. «Все отлажено, все исправно функционирует – ну и ладушки! Своих дел хватает». Галерейная деятельность и светская жизнь переплетены туго-натуго. Стильная улыбчивая Лиза постоянно мелькала на престижных тусовках, презентациях и премьерах, обзаводясь знакомыми и приятелями, которые могли не только рассказать самые свежие сплетни, но и оказать существенные услуги. Разумеется, на взаимной основе. «За каждое одолжение надо платить». Эта незамысловатая испанская поговорка стала ее девизом. По твердому убеждению Лизы, любые успешные отношения, и личные в том числе, должны выстраиваться на основе трезвого расчета. Расчет предполагал не только получение материальной выгоды, но и незыб-

лемость собственного счастья: каждый новый день должен радовать и приятно удивлять. Ведь как права она оказалась, когда ввела правило «Приведешь покупателя – за мой счет обед в хорошем ресторане!. Сорвется покупка – давай, до свидания!» Не поскупилась потратиться, и результаты отличные, больше десятка работ так ушло.

Ну а главный результат – это знакомство с Сергеем. Воистину тот апрельский день порадовал и приятно удивил. Знакомый прикормленный журналист на вернисаж с приятелем пришел: «Лизон, знакомься – Сергей. Предупреждаю честно: не в твоём вкусе, ибо положительный и работе своей предан». И прищурился лукаво: «ну вы тут побеседуйте, а я пошел аппетит нагуливать».

И ведь не ошибся, прохвост. Сергей легко, просто с ходу купил едва ли не самый дорогой мрамор в галерее. Кто бы мог тогда предположить, что с этим «буровиком» (ой, ну какая разница, чем он там в своей нефтянке занимается – установки какие-то, вышки... словом, бурит скважины), такой классный роман нарисуеться!

По правде сказать, он ее сразу зацепил. Чем? Так сразу и не скажешь. Была в нем какая-то несуетливая уверенность, основательность, да и собой хорош: рослый, скуластый, загар постоянный, держится уверенно, за словом в карман не лезет и чувство юмора на высоте. Словом, не дешевка. Уж как старалась Лизавета его зацепить, уж так зажигала, так очаровывала... и не зря! Не роман, а просто океан удовольствий...

Отодвинув стеклянную дверь, в комнату вернулась посвежевшая и похорошевшая Лиза, источавшая тонкий, слегка пряный аромат. «Нет, все-таки итальянские парфюмеры на недосягаемой высоте! Заслуживают, бестии, свою репутацию и свои эксклюзивные гонорары!» Накинув шелковый пеньюар, покружилась перед зеркалом и оставшись вполне довольной увиденным, проследовала в гардеробную...

* * *

Усилием воли подавив подступающее раздражение, Сергей ударил ладонью по рулю, плотнее прижался затылком к удобному подголовнику. «Ничего не поделаешь, сам виноват, что застрял в этой изнуряющей нескончаемой автомобильной пробке – только сдвинешься с места, тут же и тормози. Не родные просторы, с ветерком не прокатишься. И ведь сколько раз давал себе слово в Москве за руль не садиться! В такси и побыстрее, и напряжение нулевое, да и пешком до офиса дошагал бы минут за двадцать. А все лень-матушка! Так, вроде задвигались...».

Сергей взглянул в боковое зеркало, просигналил. «Что прижимаешься, коллега?» Но едва успев начаться, движение снова застопорилось. Он обреченно вздохнул. «Ладно, пока есть время, взглянем-ка еще раз на текст договора. Что-то оговорка о непредвиденных обстоятельствах для расторжения контракта доверия не вызывает. Недаром московский юрист так долго возился с этой формулировкой». Сергей размял рукой занывшее предплечье и потянулся за папкой с до-

кументами, брошенной по привычке на соседнее сиденье.

Пока Сергей Николаевич Апраксин, ведущий специалист по буровым установкам для добычи газа и генеральный директор дочерней компании «Росгаза», а для незнакомых людей просто здоровый симпатичный мужик лет тридцати с небольшим, застряв в пробке, просматривает документы, познакомимся с ним поближе.

Сергея по праву можно было отнести к категории успешных людей. Свое дело он знал и любил, а упорством и умением добиваться заветной цели сероглазый мальчишка отличался с детства. Мать часто вспоминала, как, получив в подарок свои первые роликовые коньки, он отказывался идти домой до тех пор, пока не научился делать двойной поворот с прыжком так же лихо, как это проделывал соседский старшекласник Витек.

Рано умершего отца Сергею заменил дед. Овдовев, бывший десантник старался не задерживаться дома и посвящал все свое время единственному внуку и его друзьям: организовал для местных подростков спортивную секцию, занятия в которой полностью соответствовали популярному некогда девизу «Готов к труду и обороне». С родного внука спрос был двойной, поэтому тот и вырос хорошо подготовленным к труду, да и (не приведи Господь!) к обороне. Военным, к великому сожалению деда, потомка ссыльных терских казаков, Сергей не стал, но внуком своим Михаил Николаевич гордился.

Начав трудовую деятельность монтажником, Сергей, закончив институт, стал одним из лучших специалистов по буровым установкам, да и деловой схваткой Бог его не обидел – компанию не только создал, но и смог сохранить и расширить. Дело свое он знал и любил: «молодой, но четкий и серьезный». Таким ненароком подслушанным отзывом Сергей остался весьма доволен. Народ уважал его за справедливость, хотя многих настораживала его строптивость и беспощадность к конкурентам. Деньги Сергей зарабатывал немалые, но никогда не позволял им становиться самоцелью, как бы не давила среда и не диктовало общественное мнение. Копить не копил, но пользовался ими умело.

По работе ему приходилось бывать в Москве и, как только позволили средства, он купил себе там жилье, «базу», чтобы не тратиться на гостиницу, да и ночевать дома как-то сподручнее. Можно сказать, что ему повезло – двухкомнатная квартира в малоэтажном доме конструктивистской застройки, расположенном в старинном переулке недалеко от Никитских ворот. Тихо, центр в шаговой доступности, парковка во внутреннем дворе – все его устраивало. Вскоре работающая на Русском Севере газовая компания, в создании которой Сергей участвовал самым непосредственным образом, открыла в столице свое представительство и поездки в Москву стали более частыми и более продолжительными. Квартира пустовала все реже, появились друзья и, конечно, подруги. Как же без этого?

Как-то приятель-журналист позвал его на вернисаж знакомого скульптора. В детстве Сергей увлекался лепкой и сохранил интерес к ваянию. Он не раздумывая согласился – и не пожалел. Скульптор оказался нормальным общительным парнем, работы были мощные, выразительные, в них чувствовалось движение. Одну работу, под названием «Композицию номер три», Сергей купил для своего офиса. Ему и композиция понравилась, и на хозяйку галереи, где проходил вернисаж, захотелось впечатление произвести – знай наших, столичная штучка!

Столичная штучка ему приглянулась, да и чего греха таить – приглянулась та нескрываемая решительность, с которой девушка принялась завоевывать его расположение. Лиза стала его постоянной подругой, с которой было легко, а в постели – просто замечательно. С ней удавалось расслабиться, отдохнуть, выключиться из постоянно набирающего темпы рабочего круговорота. Глаза сверкают, улыбка до ушей, таторит весело, да и по части основного инстинкта большая мастерица. Клятв и обещаний друг другу не давали, но верность партнеру подразумевалась. Во всяком случае, на неизбежный мужской вопрос «У тебя кто-то есть?» Лиза, вытянувшись ласковой кошечкой, прошептала: «От добра добра не ищут».

Она умела здорово отключаться – как вилка из штепселя – при возникновении неприятных тем. «Зачем мне это надо, это так тревожно!». Удивительное качество! Его забав-

ляли ее бесконечные выдумки, ее постоянный оживленный настрой и, как ему казалось в первое время, ее немеркантильность. Она, как бы ненароком, позволяла ему тратить на нее значительные и даже очень значительные суммы, но Сергей считал это в порядке вещей. «Ну что это за мужик, который не балует свою подругу!»

У Лизаветы, как шутливо называл москвичку Сергей, имелось еще одно прекрасное и ценное для холостяков качество: она не только не заводила бесед «с подходом», но и сама избегала разговоров о будущем, совершенно не касаясь темы матримониальных отношений, при приближении к которой у Сергея тотчас же начинала мигать красная сигнальная лампочка. Еще бы ей не мигать!

Прививку от семейной жизни Сергей получил, когда на втором курсе женился на Кристине, дочери местного министра коммунального хозяйства, приняв юношеское увлечение за нечто более серьезное. Пухленькая блондинка Кристина умело носила маску мягкой и нежной барышни, легко ранимой и совершенно безобидной, что впечатляло на фоне резких и самоуверенных девиц – дочерей районной элиты. Этакая «девочка-дюймовочка» в окружении властных, раскованных и требовательных подруг. Тихий голос, замедленные движения, манера останавливаться, жалобно поглядывая на спутника, перед любым препятствием, даже если этим препятствием была обыкновенная лужа, не могли не вызывать желания стать защитником, героем, настоящим мужчи-

ной. Да и гормоны проснулись, а тут такие зефирные прелести ненароком из блузки выглядывают. Словом, женился.

Но, «позолота вся сотрется, свиная кожа остается», как говорилось в одной из любимых сказок маленького Сережи, которые читала ему мать – в юности краса и гордость питерского филфака, а до конца своей недолгой жизни – заведующая областной библиотекой. Метаморфоза получившей мужа «дюймовочки» была разительной и мгновенной: буквально на следующий день после свадьбы тем же тихим, но твердым, не допускающим возражений голосом молодому мужу было указано на отведенное ему в семье министра место. Зятю предписывалось никогда не забывать, в какие высшие круги он попал, какие благодеяния ему оказаны и будут оказываться в будущем, и какие кары его ждут в случае непослушания. Прежних друзей надлежало забыть, а мать и деда навещать только по праздникам и в сопровождении законной супруги.

Всегда ценивший шутку Сергей довольно легкомысленно отнесся к этим предупреждениям, расценив их как неудачный розыгрыш. Но привыкшая к полной безнаказанности Кристина обожала наказывать непослушных: она не только не появилась перед шумной студенческой компанией, которую вскоре привел домой Сергей, но и нажаловалась обожавшему ее «папунчику», что муж ее ни в грош не ставит. Местный министр по начальственной привычке собрался устроить разнос «этому молокососу», и был немало удивлен, ко-

гда молокосос спокойно сказал, что никому не позволял и не позволит разговаривать с собой в таком тоне и не торопясь вышел из просторного кабинета министра, аккуратно притворив за собой дверь.

Конфликты шли по нарастающей, зефирные прелести выдавались только «за хорошее поведение» и в зависимости от настроения их обладательницы, общих интересов не возникало, и вскоре даже Кристина поняла, что, кроме одинаковых колец и печатей в паспорте, их ничто не связывает. Со временем и скоропалительный брак и развод как-то стерлись из памяти Сергея, хотя осталась стойкая неприязнь к натуральным блондинкам с постоянно влажной кожей, к словам «папунчик» и «денюжка», а также к универсальному восклицанию «вау». Не говоря уже о решимости не попадаться впредь на ту же удочку и никогда больше не жениться. На неизбежный вопрос о женитьбе (и почему люди так озабочены чужим семейным положением?), Сергей неизменно отшучивался, ссылаясь либо на нехватку времени, либо на роковую страсть к красавице БВ (буровой вышке).

Казалось, что с Лизой все было по-другому, и главное отличие заключалось в той легкости, с которой они общались. Лиза развлекала его новостями столичной жизни, превращала в забавные истории случаи из своей галерейной практики, но все как-то ерничая, как-то вскользь. Были ли у нее друзья, Сергей не знал. Если и были, то знакомить его с ними Лиза не спешила. Подхватив Сергея под руку, она словно

скользила с ним по льду катка, где царит атмосфера отдыха, и слов не разобрать из-за музыки, смеха, скрежета рассекаемого льда. Сложностей ему хватает и на работе... Может, в отношениях с женщинами так и лучше – по поверхности, на грани фола, в жанре анекдота.

Впрочем, светскую москвичку вряд ли можно было бы назвать несерьезной. У нее была черта, которую особенно ценил Сергей – Лиза всегда держала данное слово и свято соблюдала договоренности, прямо как идеальный партнер по бизнесу. Да и не так много их и было, этих договоренностей. Так что вперед они не заглядывали и планов особых не строили. Так, по крайней мере, ему казалось. Созвонились, встретились, пообщались (нередко весьма тесно), а бывает, и слетают куда-нибудь на три-четыре дня, но потом опять разбегутся до его следующего приезда в столицу

Правда, кой-какие планы имелись. На днях Лизе удалось вынудить его пообещать отправиться с ней в Турцию. Впервые со своими друзьями хотела познакомиться. У ее подруги дом на берегу Босфора, красота просто византийская, а по случаю годовщины свадьбы подруга устраивает трехдневный праздник: пикники, маскарады, морские прогулки и вечерние посиделки. Приглашенным предлагалось внести некий вступительный взнос и прибыть точно в назначенное время, облаченными в костюмы середины XVIII века. Желания особого ехать у Сергея не было, да и маскарады он не особо жаловал, но пообещал ведь! Работы, правда, непочатый край,

но обстановку сменить не мешало бы.

* * *

Мучительная для любого водителя пробка постепенно сменилась движением. Сергей отложил папку и вызвал по телефону секретаря. – Вера Сергеевна, я буду на месте через четверть часа. Пригласите ко мне юриста. Да-да, Романа Борисовича. Спасибо». – Он с хрустом потянулся и расправил плечи. Вот и задержка на пользу пошла. Обдуманная в пробке формулировка ему показалась удачной. Посмотрим, что скажет наш многоопытный Роман Борисович...

* * *

Двери бесшумного лифта открылись, выпустив в коридор сотрудников Международного центра коммуникаций, направляющихся на обед. Люди спешили, стараясь избежать очередей или занять те немногочисленные столики, которые выставляли в теплое время года на открытой террасе ведомственного кафетерия. Спроектированное известным архитектором 12-этажное прозрачное здание центра отличалось не только внешней элегантностью, но и высоким уровнем комфорта для работающих там людей: звуконепроницаемые перегородки, прохладный увлажненный воздух, огромные, во всю стену окна, из которых никогда не дуло. Но комфорт комфортом, а что может сравниться с запахом молодой травы, с чириканьем подлетающих к столикам попрошаек-воробьев, с шумом падающей воды из старого фонтанчика в соседнем сквере. Поэтому и Ольга, и ее приятельницы – пе-

реводчица Режин и выпускающий редактор Мануэла всегда обедали рано, чтобы подышать воздухом и избежать толкучки, которая приобретала массовый характер при наплыве делегатов многочисленных конференций, регулярно проводимых в помещении Центра.

– Ну что, сегодня мы, кажется, оправдали надежды? – хорошенькая, никогда не унывающая Режин легонько толкнула локтем шедшую рядом Ольгу. – Конечно, шеф не удостоился похвалить нас, ведь в таком случае его восточное сиятельство лицо потеряет! Но – ни слова упрека, ни напоминания о сроках! Сдвинув брови, она состроила гримасу и назидательно проговорила, имитируя безупречный французский выговор шефа лингвистической службы, алжирца по происхождению: – Позволю себе напомнить вам о необходимости неукоснительно соблюдать те сроки, которые...

– Ой, да хватит тебе придирааться! – воскликнула Мануэла, напрасно пытаясь вернуть на место поясок, постоянно ползущий вверх на ее весьма приблизительной талии. Образцовая мать семейства, она не могла избавиться от известной назидательности в отношении своих младших приятельниц, невольно перенося на них манеру общения со своими детьми-подростками. – У нас сейчас обеденный перерыв, давайте расслабимся, поговорим о приятно-гастрономическом. Вот я, например, проголодалась, – она вытянула шею и снова потянула поясок вниз, вдохнув носом воздух – Чем это так вкусно пахнет?..

Длинный стеклянный переход из основного здания в кафетерий наконец закончился и подруги вошли в просторный зал, где у прилавков раздачи пищи уже скопились небольшие очереди. С подносами в руках, быстро оплатив свои незамысловатые салатики и оставив Мануэлу дожидаться заказанного хорошо прожаренного стейка, девушки вышли на свежий воздух. Им повезло – на террасе белели незанятые столики. Они расположились на самом краю террасы, поставили сумки на дощатый пол, бросив Ольгин шарф и вязаный жакет мерзлячки Режин на свободные стулья.

– Обожаю тепло! – Режин раскинула руки, сладостно потянувшись и обняла спинку пластмассового стульчика. – Как подумаешь, сколько приятных вещей ожидает тебя летом – море, водные лыжи, послеобеденная сиеста. А вечерами... —Она ловко подхватила балансирующий на краю вилки листик салата, тщательно прожевала его и, нацелившись на сочную блестящую маслину, продолжила: —Что может сравниться с летними вечеринками в южном саду? Цветы благоухают, сквозь густую зелень пробивается мягкий свет садовых фонариков, смех, гомон голосов и около тебя Он, с бокалом шампанского в руке, отводит ветку от твоего лица и говорит, говорит... что ты так прекрасна, что именно тебя он искал всю жизнь, что за твою любовь он готов отдать все на свете...

Режин вздохнула, повертела перед собой пойманную маслину и скучным голосом добавила: – А встретившись после

отпуска видишь, что он плешив, женат, гасит запах изо рта ментоловыми пастилками и максимум, что он может отдать за тебя – три евро за чашечку кофе или кружку пива в ближайшем кафе. Увы, такова жизнь. – Поправив перевернувшееся в другую сторону колечко с радужным опалом, она отодвинула от себя пустую тарелку, подняла упавшую на пол бумажную салфетку. – Кстати о кофе. Чья сегодня очередь идти за ним?

Желая развеселить поскуцневшую подругу, Ольга надула щеки и застучала кулачками по груди, изображая персонаж популярного мультфильма.

– Да иди уж – вяло улыбнулась француженка.

Поставив на поднос тарелки, Ольга направилась вглубь кафетерия. Режин машинально поправила ровно подстриженную челку и увидев Мануэлу, высматривающую девушек в толпе обедающих, призывно помахала ей рукой. Искусно лавируя между столиками, Мануэла приблизилась к подругам. – А что, Ольга уже пообедала? Опять ничего не ела, только салатик поклевала? – забеспокоилась она.

– Ой, перестань! Сколько хочет, столько ест. Я вообще не понимаю, почему такая забота об Ольге? Ну да, моложе тебя, хорошо, и меня тоже, и что из этого? Почему ты ее стараешься опекать? Она твердо стоит на ногах, и друг у нее есть, такой англичанин симпатичный, они уже второй год вместе. – Мануэла понимающе промолчала.

Не надо быть провидцем, чтобы догадаться о причине раз-

дражения Режин, которая искренне считала Ольгу своей хорошей подругой. Вряд ли можно сказать, что мужчины обходили изящную живую француженку своим вниманием, однако как-то так получалось так, что инициатива знакомства обычно исходила от нее, а тонкие (иногда, впрочем, довольно откровенные) намеки на его завершение принадлежали ее приятелям. Правда, случались и исключения. Прошлой весной щеголеватый Анри, оператор из телестудии, настойчиво предлагал Режин попробовать «жить как семейная пара»: вместо двух холостяцких вигвамов снять приличную большую квартиру. «Нашел дурочку!» – так прокомментировала Режин это предложение. «У него деньги «бывают временами», а у меня постоянный контракт. Нет, вы все поняли?» Словом, в остатке опять получился ноль.

– И не начинай, пожалуйста, свои жалостливые речи о ее сиротстве. – Обеим женщинам была известна история Ольги, но, зная ее замкнутую натуру, делали вид, что они в неведении). Чужая душа – потемки. Зачем грузить себя чужими переживаниями, сочувствием, когда все уже в прошлом? Своих проблем хватает. Ведь есть о чем поговорить, тем для обсуждения предостаточно. Конечно, если Ольга сама заговорит об этом, то почему бы и не поговорить, поинтересоваться, как да что, но все же спокойнее делать вид, что никто ничего не знает.

– Не знаю – задумчиво проговорила Мануэла – мне только кажется, что ее что-то тревожит, и хотелось бы ей помочь.

– Ну ты прямо мать Тереза – ее собеседница выразительно покрутила рукой в воздухе. – Вообще, мне непонятно, у кого здесь русские корни: у тебя или у Ольги? Откуда это стремление помощь свою навязывать? Тебя об этом не просили».

– Корни у меня португальские, и ты это прекрасно знаешь. – прожившая всю свою сознательную жизнь во Франции Мануэла искренне считала себя француженкой, что совершенно не мешало ей говорить «у нас в Португалии» и болеть на всех чемпионатах за сборную Португалии. – Но Ольге все-таки...

– Тсс – Режин склонилась над тарелкой – она приближается...

– А мы как раз говорили об отпуске, – поблагодарив Ольгу кивком головы Режин выразительно взглянула на Мануэлу – я тут переписываюсь с одним. Приглашает приехать. Он мне на днях такие фото прислал... Город Ушуайя. Да-да, тот самый край света на юге Аргентины. Представляете, можно взять напрокат яхту и доплыть почти до Антарктиды».

– Так уж и до Антарктиды, – усомнилась рассудительная Мануэла – и потом, там всегда холодно, купаться нельзя, а долететь до этого края света сколько времени, да и денег надо. Взглянув на часы, она вскочила на ноги. – Простите девочки, в другой раз отпуск обсудим. Мне надо срочно домой позвонить – муж младшую из школы забрать должен, надо проверить, все ли у них в порядке.

Режин снисходительно посмотрела ей вслед. Вот они, веч-

ные будни семейной женщины. Ну никакой свободы, одни обязательства – то у детей проблемы в школе, то свекровь капризничает, то гости, то болеет кто-то. Нет, если трезво рассудить, все-таки холостяцкая жизнь не так уж и плоха. Одиночество имеет массу преимуществ и при наличии здоровья и денег, им можно просто наслаждаться. «Кроме свободных вечеров, выходных и праздников» – внятно подправил ее внутренний голос. Она потеряла виски, стараясь избавиться от непрошенного собеседника, и обратилась к Ольге – А ты что решила с отпуском? С Джеймсом куда отправишься?

– Тут вот какое дело – Ольга отодвинула успевший остыть кофе и посмотрела подруге в глаза. Придется все-таки сказать. Вообще говоря, она не привыкла одалживаться. Твердо стоящий на ногах человек – а именно к этой категории как в глазах окружающих, так и по собственному мнению, относилась Ольга – не должен просить для себя поблажек. Так ее воспитывали и дома, и в школе.

Помнится, во время летней подработки (в кантональном бюро туризма охотно брали на работу студенток, говорящих на 3–4 языках) ее, по-швейцарски чтящую закон, поражали частые просьбы туристов из России: «сделайте для меня исключение», «сделайте мне одолжение». Где логика? Если делать исключение для одного, то такое же право на уступку имеет каждый. Для чего тогда существуют правила, если возможны исключения? А теперь ей самой приходится просить

об одолжении... Ольга поводила пальцем по краю чашки.

– Я знаю, что в сентябре ты должна идти в отпуск, но... не могли бы мы с тобой в этот раз поменяться?

– Поменяться? С тобой? С сентября на март? Почему? И куда я в этот полу-зимний месяц поеду? В чем причина такой странной просьбы? Такого посягательства на самое святое (отпуск в бархатный сезон!) Режин от подруги не ожидала. – Джеймса в сентябре не отпускают?

– Джеймс здесь совершенно не причем – Ольга снова пристально посмотрела на Режин. «Дался ей Джеймс! Что за странная манера постоянно на него ссылаться?» – Просто я должна съездить в Россию, вернее в Сибирь. И мне надо быть там в сентябре. Боюсь, что за несколько дней отгула я не обернусь, поэтому хотела бы взять отпуск.

– В Сибирь? – тщательно татуированные брови Режин поползли вверх. – Ты с ума сошла! Как можно туда ехать? Я сама обожаю экзотику, но это уже слишком... Конечно, ты говоришь по-русски, это помогает. Но, Сибирь! Холодное огромное пространство, на дорогах постоянные аварии. Не спорю, может люди там и хорошие, но зубы у всех железные, лица неприветливые, просто так не улыбнутся, водку пьют из стаканов и даже с утра. – Живо представив себе такую ужасающую картину, впечатлительная Режин даже вздрогнула.

– Почему из стаканов? Прямо из самоваров дуют, гранеными стаканами закусывают, а недоеденные на пол швыряют! А по улицам бродят медведи в шапках со звездами, давят

скованных цепью прохожих танками и, насытившись, играют на балалайках! – поддразнила подругу Ольга. – Ты поменьше злобных мультиков смотри, и почаще серое вещество заставляй работать. Господи, когда уже неглупые, образованные люди перестанут повторять эти замшелые голливудские пошлости, – с досадой проговорила она. – Зубы у них, видите ли, плохие... Видимо, остальной мир только откалиброванными красавцами и заселен! Аварии... А что, в других странах они не происходят? Аварии вообще бич современной цивилизации, бич общий, неизбежный – посмотри хотя бы статистику по Франции.

– Не понимаю твой назидательный тон. – Режин почувствовала себя задетой. – И могу я спросить, в чем причина такой неожиданной просьбы?

– Конечно, я тебе сейчас все объясню. – Ольга старалась говорить спокойно, хотя затянувшаяся пауза не смогла скрыть внезапную нехватку дыхания, словно у выброшенной на берег рыбы.

Режин, откинувшись на спинку стула, с выжиданием смотрела на подругу. Ольга провела рукой по лбу, поманила корочкой прыгающего по соседнему столику воробья. Ну что ж, Режин права, сказав «А», надо говорить и «Б». Стало быть пришла пора объясниться и рассказать не только о планах поездки в Россию, но и о своем происхождении...

* * *

...Вряд ли Ольга когда-нибудь сможет забыть тот пас-

мурный февральский день, когда, разбирая бумаги покойной матери, она нашла письмо Пилар в российское консульство, отправить которое помешала непредвиденная срочная госпитализация. Пилар Руис Прадо просила помочь разыскать родственников геологов Капустиных, погибших во время землетрясения в Завире.

Значит, у нее могут быть родственники в России? Не выпуская из рук письмо, Ольга вышла в прихожую, включила верхний свет и замерла у огромного зеркала, почти прижавшись к нему лицом. Чье отражение видела она, кто эта молодая курносая женщина, которая растеряно смотрела на нее из зеркала? Приемная дочь испанской матери, гражданка Швейцарии Ольга Руис Прадо, или русская Ольга Александровна Капустина? Она перевела взгляд на фотографию, провела рукой по лицу Пилар. «Почему ты молчала, мама? Моя единственная, дорогая, лучшая на свете мама... Разве я вправе судить тебя? Но почему ты сама не сказала мне, что у меня могут быть родные в России?» – мысленно спрашивала Ольга, хотя прекрасно догадывалась о причине молчания Пилар.

Официально удочерив Ольгу, испанка со временем рассказала ей о том, что ее русские родители погибли, что девочка чудом спаслась под развалинами дома, и ее – маленькую, дрожащую, в разорванной рубашечке – спасатели принесли в больницу. Там ее и увидела Пилар, которая вместе с другими добровольцами помогала врачам. Но она никогда

не говорила, что на рубашечке была пришита метка «Оля Капустина», что она знает настоящую фамилию своей приемной дочери. Страх потерять дочь совершенно парализовал Пилар, она боялась, что у нее могут отобрать ребенка или – мысль об этом была совершенно непереносимой – что девочка сама захочет перебраться к родственникам.

* * *

Ольга не сразу приняла решение продолжить поиски. Потрясение от узнанного казалось слишком сильным, ее душевное равновесие было нарушено, она уже не могла справиться с мучительными раздумьями, а делиться ими ей не хотелось. И почему-то совершенно не хотелось искать совета у Джеймса. Он, конечно, не чужой, знакомые его вообще женой считают, но она-то его лучше знает, что он не терпит выяснения родственных отношений. Для него отношения с родственниками, а также любые «ностальгические настроения» обсуждению не подлежат. «Это же частная жизнь, она неприкосновенна, у каждого свои переживания...». Ламентаций Джеймс не выносил, жестко, но логично рассуждая, что «жилеток на всех не хватит». Словом, свои проблемы нужно решать самостоятельно.

А может он и прав.... Но разве можно преодолеть желание узнать свое происхождение? Разыскать своих? И Ольга решилась. Волнения, тревожные мысли и переживания как-то растворились в бдениях за компьютером, в бесконечной бумажной волоките, переписке, визитах в консульство и в про-

чих бюрократических похождениях. Ольга поставила перед собой цель – добиться необходимой информации, – и она ее получила. После многих месяцев ожидания из России был получен официальный ответ: да, у нее есть двоюродный (по отцу) дядя, его фамилия Капустин и он проживает в городе Домске по указанному адресу. Сколько раз Ольга перечитывала драгоценную страничку с ответом, гладила пальцем печать и даже заковыристую подпись под текстом. Распечатанную карту города прикрепила к стене над компьютером, садясь к экрану, улыбалась ей. И все же твердое решение ехать в Россию на встречу с родственниками пришло далеко не сразу...

* * *

– Ты знаешь, что я приемная дочь Пилар, и что я русская по происхождению? – Режин попыталась изобразить удивление, но, Ольга остановила ее. – Не надо притворяться, что вам об этом неизвестно. Поверь, что я очень ценю твою и Мануэлы деликатность, и я благодарна вам за то, что вы никогда не говорили со мной о моем происхождении. Но сейчас будем откровенны. Пилар, моя мать, не скрывала это от меня, но ей причиняло боль напоминание о том, что меня родила не она. Родители мои погибли, и мне не хотелось бы сейчас говорить об этом. – Ольга резко дернула запутавшуюся нитку бахромы. – Речь о другом. Мне удалось узнать, что в России живут мои родственники. Кажется, у меня в Сибири есть дядя.

– О! Супер! Вот это новость! – не удержавшись, воскликнула Режин. – И ты молчала! – Она энергично потрясла поднятыми кулачками. – Рассказывай скорее! Ты собираешься с ним встретиться? – Возбужденная речь Режин привлекла внимание. С соседних столиков с любопытством посмотрели на девушек. – Правда, не родной, двоюродный. Но ты понимаешь... – К горлу внезапно подступил комок и, чтобы скрыть судорожный всхлип, Ольга залпом проглотила остывший кофе. Поставить чашечку на блюдце удалось не сразу, рука предательски дрожала. Она глубоко вздохнула, и стараясь успокоиться, просчитала про себя до десяти.

Режин быстро налила в стакан воды, пододвинула его к Ольге. Приблизив к подруге лицо, она замерла, ожидая продолжения. – Я должна его разыскать. У него, наверное, есть жена, дети – они ведь мне родня? – сбивчиво продолжала Ольга – Всю жизнь я думала, что, кроме матери, у меня никого нет. А оказывается, что есть родные. Родственники... До марта так далеко, я просто не могу ждать до весны. Ольга подняла на подругу предательски заблестевшие глаза. – Извини, у меня что-то нервы сдают, – она отпила воды, промокнула салфеткой глаза. Любопытство за соседним столиком становилось все более очевидным. Банальный обеденный перерыв в кафетерии – и тут такие волнующие сцены! Просто сериал! Хоть на мобильник снимай!

– Ольга, дорогая, я так рада за тебя! – Режин крепко сжала лежавшую на столе руку Ольги. У нее невольно защекотало в

носу, но она смогла сдержаться, хотя ее переполняло сочувствие к Ольге. «Нелегко ей, хотя виду не подает!» Несмотря на свое холостяцкое житье, Режин всегда ощущала себя частью огромной семьи, даже клана: замужние сестры, племянники и племянницы, бесчисленные тетушки и немногие дядюшки всегда собирались на праздники и семейные торжества и не пропускали ни одной возможности повидаться, потрепать по щечке подросших со времени последней встречи детей, порадоваться добрым новостям и попереживать из-за утрат. Регулярные телефонные разговоры, поздравительные открытки у старших и эсэмески у молодых, поездки на два-три дня к родственникам вошли в привычку и никого не удивляли. Карта Франции была для Режин маршрутами семейных встреч: свадьба в Страсбурге, Рождество в Париже, крестины или (упаси Бог!) похороны в Тулузе или где-нибудь под Лионом. Она никогда особо не задумывалась об этом – семья, она у всех семья. А тут вот как...

Взглянув на настенные часы, Ольга встала из-за стола. Обед закончился, пора было возвращаться в бюро. Поставив подносы на конвейерную ленту, девушки заспешили к выходу. Дойдя до лифта, Режин повернула вправо. – Ты куда? – удивленно окликнула ее Ольга. – Шеф может зайти в любую минуту. Ты же знаешь, как он не любит, когда задерживаются после обеда». – Мне плевать! – пропела француженка. – Должна же я оповестить отдел кадров, что меняю время отпуска! Ольга молча обняла подругу, поцеловала в щеку. –

Ну-ну, что за нежности? Смотри, нас не за тех примут, — она улыбнулась, погладила Ольгу по щеке и легонько подтолкнула к лифту. — Да, и не забудь, медвежонка пока не надо, а вот меховую шапку из России привези обязательно! Можно даже со звездой!

* * *

...Казавшаяся поначалу естественной легкость отношений между Лизой и Сергеем (как волшебный полет балерины) требовала постоянных усилий для поддержания этой самой легкости (как изматывающие упражнения у балетного станка). За кажущейся беззаботностью Лизы скрывалась тяга к железной дисциплине, благодаря которой она контролировала свои сердечные дела. Действовала жесткая система запретов и табуированных тем. Предполагалось, что настрой таких отношений будет постоянно веселым, разговоры не будут касаться драматических или скучных тем, к которым прежде всего относилась политика и работа Сергея, а единственное взаимное обязательство заключалось в том, чтобы доставлять друг другу удовольствие. Верность партнеру подразумевалась (иначе возможны осложнения, да и отношения придется выяснять).

Легкость и приятная необременительность их отношений поначалу вполне устраивала занятого, напряженного, живущего своей работой Сергея, но во временем у него появилось и начало крепнуть ощущение, — поначалу неясное, просто какое-то чувство внутренней разлаженности, — что ему отве-

дена четко прописанная роль в забавном водевильчике, написанном с целью развлечь пресыщенную и скучающую публику. Неясное ощущение прояснилось на вчерашней вечеринке, куда Лиза уговорила его зайти после ресторана. – Милый, мы совсем ненадолго, – растягивая гласные, она ласкалась к нему кошечкой, – неудобно не заскочить, Нора обидится. —Сытость сделала Сергея сговорчивым и великодушным, и ему совсем не хотелось обижать незнакомую Нору.

Обнявшись, добрались до превращенного в псевдоготического монстра старого доходного дома, поднялись на бесшумном сверкающем лифте на последний этаж и очутились в декорированной под пещеру полутемной мансарде. Вокруг огромного каменного стола толпился народ, на полу в опасной близости от набросанных медвежьих и волчьих шкур кувшинками плыли белые плоские свечи. Собравшиеся явно находились в состоянии эйфории, в помещении стоял гул от возбужденных разговоров, когда каждый, не слушая другого, старался высказаться сам.

На пришедших обернулись многие, но заинтересованными взглядами дело не ограничилось. Высокая голенастая особа, издавела казавшаяся молодой, но вблизи – не очень, вплотную подойдя к Сергею и оглядев его, неожиданно скинула туфлю и отлакированным пальчиком ноги призывно постучала по ближайшей шкуре. Столь откровенное предложение неожиданно отрезвило Сергея. «Батюшки-светы, да ведь его привезли на показ, на презентацию, его присутствие

должно было оживить пресытившуюся тусовку. Для полноты картины не хватало только кольца в носу, а то просто явление ручного косолапого на ярмарке! Так, где там наш поводырь?»

Он поискал глазами Лизу. Мило улыбаясь и покачивая головой, словно соглашаясь с говорливым собеседником, она с любопытством наблюдала за происходящим. Эффект явно удался – они с Сергеем оказались в центре внимания, действие обещало быть забавным... Но, увы! Оно закончилось, даже не успев толком развернуться. И почему он всегда так быстр в решениях? Хмельная покладистость ее спутника улетучилась, и, осмотревшись, он направился к выходу с той решительностью, которую ей никогда не удавалось пересилить и которой она, честно говоря, немного опасалась. Хорошо еще, что он не слышал, как вытянувшись для имитации приветственного поцелуя стриженная под «ноль» Нора прошептала Лизе: «Умничка, что пупса своего brutального привела. А то все как-то приелись».

Чтобы не потерять лицо, догоняя Сергея, пришлось достать якобы зазвонивший мобильник и изобразить куда-то опаздывающих. Памятуя о своем обещании не обижать Лизину подругу, Сергей поднял в приветственном жесте руку, как бы прощаясь и одновременно выражая признательность собравшейся компании. И что самое нелепое – его воспринимали лишь как спутника Лизы, своего рода реквизитное приложение к обворожительной, суперсовременной деловой

леди. Будем однако справедливы, Лиза была слишком хорошо образованна, чтобы довольствоваться этим дешевым англицизмом, предпочитая более статусную и точную формулировку «у меня своя художественная галерея».

Для объективности отметим, что хороший вкус, который, скрепя сердце, признавали даже ее недоброжелатели, отличал хозяйку галереи не только в плане профессиональном, но и в плане личном. Самые стильные вещи (только дорогое и модное для себя, любимой) самые изысканные драгоценности сами по себе для Лизы мало что значили. Они ценились (разумеется, никто не собирался игнорировать их рыночную цену!) именно как аксессуары ее личности, вернее того образа, в котором Лиза желала себя видеть.

«Прекрасный принцип!» – воскликнул бы любой стилист, и с ним нельзя не согласиться – если только не применять его по отношению к людям. Сибирский «брутальный пупс» как спутник и партнер по сексу вполне устраивал Лизу, но отведенная ему роль вряд ли устраивала самого Сергея. В московской жизни, в их ресторанно-тусовочном совместном времяпровождении его амплуа оставалось таким же «спутниковым» – спутник, спутник-шалопутник, ты летаешь до небес... В постели, правда, все было так, как и положено между мужчиной и женщиной. Но днем атмосфера менялась.

К примеру, намечающаяся поездка в Турцию. С самого начала он был против этой затеи. Ну где он, и где это псев-

до-мушкетерское действо, которое устраивала дальняя приятельница Лизы, ставшая в одночасье богатой иностранкой? Откровенно говоря, все эти исторические реконструкции, переодевание в костюмы прошлого, имитация придворных или разбойных деяний напоминали ему школьную самодеятельность, в которой так любили участвовать девочки и куда было не затащить нормальных мальчишек.

Ладно, с прекрасным полом все понятно – их хлебом не корми, дай только возможность представить себя актрисами. Но взрослые, прямо скажем пожилые мужики в макияже нарочито ломают речь, позы принимают, собой любуются! Ну хорошо, шляпу с пером можно надеть и мундир гвардейца по фигуре подогнать, но взгляд, осанка, жесты не изменились, для создания образа какое-никакое актерское мастерство требуется. Вот если бы с юмором воспринимали происходящее, тогда понятно. А то ведь от самодовольства чуть не лопаются.

– Серж, перестань быть Сергеем Николаевичем, – с улыбкой парировала его доводы Лиза, когда он пытался объяснить ей свое нежелание ехать. – Это же просто театральная фантазмагория! Игровой момент раскрепощает, перевоплощение будит творческое начало. Расслабься, дай унести себя в мир фантазий – она развела руки, словно отвечая на овацию зрительного зала. – И тебе так идет мушкетерская рубашка! От этих рукавов, собранных на плече и в запястье я просто улетаю. А мое платье лилового атласа, каким мощ-

ным аккордом прозвучит оно рядом с этими пенными кружевами!

Она присела в шуточном реверансе, приподняв подол воображаемого платья. Впрочем, платье уже материализовалось, так как еще вчера было доставлено из столичного ателье, где «состоявшиеся» люди заказывали одежду для костюмированных мероприятий. Рядом с платьем на стол была небрежно брошена белоснежная мушкетерская рубашка, которая и в самом деле была очень красива. – Милый, поверь мне," – Лиза сняла воображаемую ворсинку с плеча Сергея и на мгновение плотно прижалась к нему грудью...

Галерея была закрыта для смены экспозиции и их голоса гулко звучали в опустевшем, слабо освещенном зале. – Каждый продвинутый человек носит маску для общения с другими людьми. Он может вести двойную, тройную, если хочешь, даже четвертную жизнь. Он легко меняет маски – в зависимости от обстоятельств, даже от одежды, и может вести себя по-разному. Брутальность сменяется слабостью, простодушие – коварством. Вчера – невинный ангел, сегодня – изощренный хитрован... Забавно, правда? Почему бы и нам не попробовать?»

– А ты всегда носишь маску? – Сергей легонько отстранил Лизу. – Я в маске по жизни, – лукаво улыбнулась Лиза, словно не заметив этого жеста. Ей казалось, что ее слова прозвучали таинственно и загадочно, но Сергей только поморщился. Ему не хотелось спорить с ней, но хоть когда-то они мог-

ли поговорить серьезно?

–Пойми, мы просто по-разному смотрим на эти вещи. Одно дело, когда человек естественно реагирует на разные ситуации (и здесь ключевое понятие е-с-т-е-с-т-в-е-н-н-о-с-т-ь, или искренность, как тебе больше нравится), – он пытливо взглянул на насторожившуюся Лизу, которая совсем не ожидала такого разворота, – и совсем другое, когда он сознательно, с вполне определенной целью прячет свое «я», свою сущность под раскрашенной маской. Взгляни на эти так называемые аристократические балы богатых выскочек, присвоивших громкие титулы, сочинивших себе родословные – они же не способны принять вызов времени, в котором живут. Да просто прячутся за надежной спиной романтизированного прошлого.

Сергей взмахнул рукой, рассекая ладонью воздух. – Ясное дело, к профессиональным актерам вышесказанное не относится. Но люди, сознательно надевающие маски, мне не интересны. Не уверены они в себе, боятся проявить себя, прячутся за забралом защитной маски, поэтому и ведут себя... – запнулся, выбирая слова помягче, – неадекватно, ерничают по поводу и без повода. Вырядились в маски, сменили маски... Ты в восторге от игры, от перевоплощения, а я вижу притворство, натужную фальшь, сплошные понты и прибамбасы, и мне это не по душе. Или, если хочешь, это не мое. Я маски в жизни не носил, не лицедействовал и в будущем не собираюсь. – Сергей подошел к выходившему на бульвар

окну, прижался лбом к холодному стеклу.

«Какая муха его укусила? С чего он так завелся?» Лиза умело сохраняла на лице выражение заинтересованного внимания, хотя ее разбирала досада. Похоже, ужин в барвихинском ресторане «Грошик» и ночные посиделки-полежалки у Сергея придется отложить до лучших времен. Как некстати – ведь она уже настроилась и на холодный восхитительный «Шабли», и на страстную сладость ночи...

Подойдя поближе, она легонько погладила его по затылку, задержала ладонь на лацкане пиджака. – Сергей Николаич-Мыколаич, вы никак рассердились? Право, не стоит. – Сергей развернулся, снял ее ладонь и пристально посмотрел ей в глаза. —И вот еще что. Я бы попросил тебя не называть меня по имени-отчеству. И тем более – не стараться над ним подшучивать. Договорились?

«Боже, какие мы нежные и ранимые, какие неизбывные провинциальные «прынцыпы» пора бы и пообтесаться,» – с раздражением подумала Лиза, но приласкаться поостереглась. С шутливой улыбкой взяла под воображаемый козырек – Есть, товарищ генерал!. Сергей на улыбку не ответил, но ничего не сказал. Звонок его мобильного прервал затянувшуюся сцену. Взглянув на экран телефона, он кивнул Лизе и со словами «увидимся» взял плащ и вышел на улицу.

Заметно похолодало, но непогода его странным образом порадовала: морозящий дождь, низко нависшие свинцовые тучи, облысевшие газоны и мокрые черные деревья – осень

была настоящей, под масками не пряталась и перевоплощаться в лето не намеревалась. Не обращая внимания на ненастье, Сергей дошел пешком до своего дома, успев обсудить со звонившем ему с установки инженером результаты утренней планерки. В квартире было сухо, тепло и тихо. Он налил себе коньяку, немного посидел в темноте и лег спать...

* * *

– Но почему? Почему ты должен вот так все бросить и улететь? – до слез расстроенная Лиза швырнула на пол скомканное банное полотенце, – мы же планировали пробыть в Турции по крайней мере неделю. Праздник у Кэти только начался, прошла лишь первая ночь маскарада, так все стильно, весело – и вот нате вам!

Она тоненько всхлипнула, украдкой взглянув на Сергея, не спеша укладывающего компьютер в дорожный чехол. Внутренний голос уже не говорил, а кричал ей, что надо немедленно прекратить истерику, которая только усиливает раздражение Сергея, что никакой трагедии не произошло, так как он еще в Москве предупреждал ее, что его могут в любое время вызвать на работу, и что, в конце концов, красные глаза, распухший нос, скривившиеся губы и срывающийся на визг голос начисто лишают ее привлекательности.

Но ярость Лизы не знала границ. Остановиться никак не получалось. «Как! Получить, наконец, приглашение на этот закрытый летний праздник, оказаться на вилле у Кэти и ее

американского мужа, где так приятно и необременительно проходит время... Да и Макс обещал подъехать, еще забавнее потусуемся...» Как восхитительно она могла бы провести эти дни, поражая окружающих своим безукоризненным английским и умением поддержать светскую беседу, своими туалетами, наконец, своей практически идеальной (бедра, правда, широковаты, никак не убрать!) фигурой в купальниках от Лавинии Д.!

И началось все просто превосходно: вчерашний фуршетик в саду такое наслаждение доставил: весело, вкусно, не поскупилась миллионерша новоявленная – омары, черная икра, лесная земляника в горячем шоколаде... А уж как прелестно она смотрелась в костюме графини, как эротично колыхалось белоснежное страусовое перо на ее шляпке! Этот итальянский адвокат как намагниченный за ней ходил, глаз не спускал, какой флирт прелестный, какой драйв – и все происходит на глазах Сергея, который явно раздосадован – какая игра, какое возбуждение!

Появление старого дружка Максика сделает игру еще острее, еще пикантнее, он так исполнит роль умирающего от страсти, что не поверить в его искренность невозможно – сама на этом попалась. Тут-то она Сергея Николаича и поддевает за веревочки, тут-то она его всласть помучает А декор каков! Тающее золото уходящего дня, каскады цветущего жасмина, глубокий синий бархат византийской ночи... И вот так хорошо задуманная, так классно раскрученная ин-

трига рушится из-за какой-то дурацкой буровой. Себя стало невыносимо жалко...

* * *

В дверь номера вежливо постучали. Лиза рванулась в холл, чтобы накричать на нежданного визитера, сорвать на нем свое раздражение, но Сергей отстранил ее и подошел к двери. – Ваш завтрак, господа, – негромко произнесли за дверью. – Уходите. Не хочу никакого завтрака! – выкрикнула Лиза, но невольно осеклась под взглядом Сергея. Впустив официанта, вкатившего накрытый белоснежной салфеткой столик, Сергей приподнял салфетку и зажмурился от удовольствия. В воздухе разлился запах свежемолотого кофе и не успевшей остынуть выпечки. В мгновение ока стол номера на 15-ом этаже был накрыт для роскошного завтрака по-турецки: свежий творог, мед, сыр, горшочки с фруктовыми джемами, вяленое мясо, омлет, алые сочные помидоры, маслины... И, конечно, тающие во рту бублики-симиты с похрустывающими на зубах зернышками поджаренного кунжута. Учтиво поблагодарив за щедрые чаевые, официант бесшумно исчез.

Не обращая внимания на уткнувшуюся в подушку Лизу, Сергей развернул кресло, поставив его напротив огромного окна, занимающего все пространство – от пола до потолка. Надо признаться, что в этот раз путеводители не солгали: ультрасовременную гостиницу, в которой они остановились, и вправду отличали и высокий уровень комфор-

та и превосходная кухня. Но главное – расположенный на холме отель словно завис в воздухе, позволяя его обитателям наслаждаться величественными перспективами. С верхних этажей открывалась панорама Босфора, берега которого скреплял стремительный росчерк соединившего Европу и Азию гигантского моста, непрерывный поток машин на котором словно воплощалась мечта о вечном двигателе. Ослепительной смальтой сверкал на солнце город – столица двух империй, раскинувшийся на утопающих в зелени пологих берегах. Плотные синие воды пролива, полные скрытого движения, словно призывали вырваться на волю, мягко, но решительно раздвигая берега двух частей света и устремляясь в открытое море, в бескрайние океанские просторы. Кажалось, что достаточно лишь очутиться на одной из многочисленных яхт, покачивающихся на его глади, и заскользит, полетит парусная красавица, увозя тебя в неведомые дали, в незнакомую и прекрасную жизнь...

Однако лирический настрой, которому поддался Сергей под влиянием водных красот и накрытого стола, испарился при затяжном всхлипе Лизы, за которым последовали звучные рыдания. Посторонние наблюдатели наверняка сошлись бы во мнении, что нельзя было бы не залюбоваться видом безутешной страдальцы. Из-под сбившихся в беспорядке атласных простыней словно невзначай трогательно свисала стройная ножка, еще вчера побывавшая в руках опытной педикюрши. Ухоженные ровные ноготки, покрытые профес-

сиональным лаком (определенный рекламой как «насыщенный сиреневый цвет на розовой основе») эффектно поблескивали на фоне золотистой ткани. Ну а более выразительного намека, чем небрежно сброшенный черный кружевной пеньюар, просто не найти. Владелица стройной ножки еще в первый день не поленилась проверить живописный эффект, в двух зеркалах посмотрела, освещение поправила. Эротика на высшем уровне! И все эти старания впустую?

Не оценив, а точнее, не заметив стараний Лизы, Сергей вернулся к столу. – Тебе сока налить? – спросил он, приподняв массивный стеклянный кувшин, в котором заплескалась густая оранжевая жидкость. – Ну, как знаешь, – не получив ответа, бросил в высокий стакан кубик льда, зачерпнул ложкой лимонный мед, тщательно размешал. – Напиток, достойный константинопольских императоров, – со знанием дела заключил он, накладывая на тарелку сохранявший свою воздушность омлет, сбрызнутые оливковым маслом помидоры и так радующие сердце мужчины ломти мяса. Негромкие, но достаточно внятные звуки с аппетитом завтракающего мужчины разрушали драматический настрой происходящего, страдать «под омлет с помидорами» было просто нелепо. Рыдания постепенно сошли на нет, и наступившая тишина стала тягостной и для Сергея. Красочная южная трапеза потускнела и поблекла. Стало ясно, что шуткой возникшую ситуацию не разрядишь.

– Слышь, Лизавета, хорош сырость разводить – Сергей

отодвинул недопитый кофе, взглянул на часы. Завтрак был скомкан, но выезжать в аэропорт было слишком рано. Высвободившееся время не хотелось тратить на пустые разговоры, однако уехать, не объяснившись, показалось невозможным. Говорят, что лучший способ испортить отношения – это начать их выяснять, и в правоте этого высказывания Сергей не сомневался. Сомневаться он начал в другом, в существовании этих самых отношений. Уже не раз ловил себя на том, что встречается с Лизой не столько по желанию, сколько по привычке, по каким-то надуманным джентельменским условностям. И как он дал слабинку и согласился на эту нелепую поездку?!

Поколебавшись, Сергей решил отложить разговор до возвращения в Москву. В обществе своих новых и старых приятелей Лиза быстро переживет его отсутствие и насладится поездкой на все сто, ну а его, если честно, разбор полетов с подругой занимал куда меньше, чем причина его отъезда – сбои в работе новой установки. Сняв с вешалки плащ, он взял свою сумку и, махнув замолкшей Лизе на прощанье рукой, плотно прикрыл за собой дверь номера.

* * *

...Вот вроде и все. Краны проверила, жалюзи опустила, консержку предупредила – будет почту из ящика забирать. Кот Матюша отвезен на постой к Режин, которая, как истинная француженка, обожала кошек картезианской породы. Ольга еще раз обвела взглядом гостиную, присела на стул у

входа. Няня Полина Дмитриевна в детстве научила, с тех пор и соблюдает русский обычай присесть на дорожку. Ночь она почти не спала, забывшись лишь перед рассветом, и из состояния странной апатии ее не смог вывести даже холодный душ. Все же она не пожалела, что отказалась от предложения Джеймса проводить ее в аэропорт. Хотя, если говорить объективно, собственную фразу «ты можешь меня не провожать» вряд ли можно расценивать отказ от предложения, которое, собственно говоря, и не прозвучало.

Джеймс был против ее поездки («Ты уверена, что стоит тратить столько времени и сил на довольно мифические поиски? Ты полагаешься на непроверенную информацию, не будет ли слишком сильным твое разочарование? Я не комментирую стоимость таких приключений – это твои деньги, и ты имеешь полное право тратить их по своему усмотрению, но ты используешь на это весь отпуск. Я полагал, что у нас будут другие планы»). И если он не понимал, почему она едет, зачем было пускаться в ненужные объяснения? Но – подумалось с досадой – предложить проводить ее в аэропорт он все-таки мог.

Тротуар перед подъездом был безукоризненно чист. Старательная консьержка, шаркая метлой, рано утром подмела почерневшую медь опавших листьев, вычистила стоявшие у подъездов урны, натянув на них блестящие полиэтиленовые мешки. По опустевшей велосипедной стоянке неторопливо прохаживалась ворона, безуспешно пытаясь найти остатки

еды.

Конец сентября в Женеве обычно теплый и безветрен, но налетевший резкий холодный ветер приблизил приход осени. Трава на газонах слегка пожухла, потерял летнюю упругость вечнозеленый плющ, обвивавший мощные стволы вековых деревьев и старые стены города, а в утреннем воздухе витал запах прелых листьев.

Ярко-желтое такси ждало у подъезда, водитель уложил чемодан в багажник. Ольга привыкла путешествовать налегке, но в этот раз багаж получился довольно увесистым. Пришлось взять теплые вещи (в Сибири уже почти зима, холодно-новато все-таки), ну и подарки накупила – как же в Россию без подарков? Вес добавил ноутбук с зарядным устройством, читалка, словом почти 23 допускаемые Аэрофлотом килограмма. Зато сумка стала невесомой, плечо не оттягивала. Подобрал полу серебристого пуховика, она опустилась на заднее сидение и обратилась к водителю: «Пожалуйста, в аэропорт». Тот согласно кивнул и включил счетчик.

Первый раз она попала в Россию еще девочкой. В школьной программе предусматривались краткие ознакомительные поездки, требовавшие от родителей дополнительных расходов, но на образование дочери Пилар средств не жалела. Помнится, девочку поразили огромные толпы людей в метро, на улицах, очереди в музей на какую-то привезенную выставку, и совершенно сказочный Кремль, чтобы попасть в который они прошли через прекрасный сад, где цвели ябло-

ни и пенились кусты разноцветной сирени. А главное – какой русский язык бушевал вокруг! У обычно сдержанной в проявлении своих эмоций девочки не сходила с лица улыбка. Она понимала, о чем говорят люди, хотя непонятных и незнакомых слов тоже хватало.

Конечно, у нее была неплохая языковая подготовка. Несколько лет Ольга исправно ходила в воскресную школу при русской церкви, посещение которой Пилар считала обязательным, хотя сама была убежденной католичкой. Для нее было делом чести сохранить русский язык и православную веру своей приемной дочери. Никто не посмел бы обвинить ее в том, что она что-то отобрала у девочки! Приемная мать делала все, чтобы девочка знала и любила свою родную культуру.

Ольга неплохо знала историю России, мать с детства привила ей вкус к русской литературе, которую боготворила сама. Сама Пилар хоть и говорила по-русски с трудом и старалась избегать ситуаций, когда в этом возникала необходимость, так как была честолюбива и не хотела «терять лицо», но читала свободно. Русскую музыку очень любила, пожалуй, не меньше, чем испанскую. «Арагонская хота» Глинки звучала из мобильных телефонов матери и дочери Руис Прадо.

На третьем курсе университета ей повезло попасть на зимние каникулы в Суздаль. Ольге казалось, что она попала в сказку – деревянные дома с резными наличниками, струй-

ки дыма из печных труб, лиловое закатное солнце, мимо-летно отразившееся на сколотых изразцах Кремля, и снег, снег, превративший постройки в исполинские грибы, а деревья – в причудливые елочные игрушки из ваты. Еще затемно по утоптаным до блеска дорожкам на санках везли закутанных в платки малышей или бидоны и ведра, а хруст (или скрип?) по снегу добротного подшитых валенок будил спавшую у окна Ольгу, навсегда сохранившись в памяти как необъяснимое ожидание чуда.

Программа курсов русского языка была очень плотной, после занятий слушатели не расходились, обсуждения затягивались допоздна, но Ольга не чувствовала усталости: классы проходили так интересно! Пленительная красота русского языка казалась неисчерпаемой, сколько новых слов и выражений она узнала той зимой! Одно милое слово «тупичок» казалось ей таким вкусным, что она проговаривала его как тающую во рту шоколадку, за что и получила соответствующее прозвище.

– Эй, тупичок, вставай, пора на занятия – будила ее соседка по комнате, и Ольга, потянувшись, с улыбкой сбрасывала одеяло. Хотелось успеть все прочитать, все увидеть и девушка запоминала имена незнакомых ей авторов, предвкушая будущие открытия.

А зимние утех! Катание на санях, лыжные прогулки по заснеженному лесу, битва снежками, когда она потеряла бирюзовую сережку и вся группа, превратившись в землероек,

перекапывала сугробы, а сбитая снежком сережка преспокойно висела на заледеневшем от дыхания шарфе. Помнится, ей за ложную тревогу назначили штраф – раскачали и с размаху бросили в самый глубокий сугроб, откуда она, совершенно осипнув от хохота, долго не могла выбраться...

Пожилой таксист поглядывал в зеркало, невольно любуясь красивой молодой пассажиркой, погруженной в свои мысли. Вероятно, приятные, так как с лица девушки не сходила мягкая улыбка. Наверняка о парне своем думает. Эх, везет же некоторым...

* * *

Из России Ольга возвращалась домой, в Женеву, в свою привычную и удобную жизнь, но каждый раз по дороге в Шереметьево у нее щемило сердце и, не признаваясь в этом даже самой себе, ей хотелось, чтобы случилось что-нибудь непредвиденное и она смогла бы задержаться. В Россию Ольгу тянуло постоянно, и объяснить это влечение только желанием побыть со своими русскими друзьями, или намерением усовершенствовать знание языка она бы не смогла.

В последний раз она съездила в Москву всего на три дня – на переговоры швейцарской строительной компании с перспективными партнерами из России. Поездка была слишком напряженной и быстротечной. Переговоры, обед, опять переговоры до позднего вечера, и в остатке было лишь одно желание – выспаться. Ни времени, ни сил на свободное время не оставалось. Даже москвичке Кате, с которой подружи-

лась той зимой в Суздале, звонить не стала. Немыслимое дело – оказаться в России и пообщаться с друзьями только по телефону. Не поймут! Лучше вообще не звонить, а вот в следующий приезд все-все объяснить. И проболтать всю ночь напролет.

В этой командировке и российская сторона была, по мнению Ольги, представлена не лучшим образом. Какие-то чванливые и одновременно льстивые люди, которые во время перерывов старались произвести впечатление на Ольгу и делали ей довольно неуклюжие и сомнительные комплименты. На вопрос Ольги о новинках современной прозы, московский переводчик недоуменно посмотрел на нее и ответил: «В книжных ничего не покупай, по выписке дешевле будет».

Ну да всякое бывает. Ольга попыталась забыть неудачную поездку и собралась вскоре опять вернуться в Россию, подумывая даже о возможности поработать там какое-то время. Ей хотелось поделикатнее подготовить мать к такому разговору, зная, как та болезненно переживает любую разлуку с дочерью.

Но случилась беда. Пилар никогда не признавалась в своих слабостях даже себе самой, и постоянные недомогания объясняла то переутомлением, то переменчивой погодой, постоянно откладывая необходимое обследование. Страшный диагноз поставили слишком поздно. Болезнь стала быстро прогрессировать и приняла необратимый характер.

Все силы и средства были брошены на лечение матери. О какой поездке в Россию могла идти речь в таких условиях? Планы были отложены на неопределенное время.

Признание умирающей Пилар о существовании русских родственников потрясло Ольгу, она долго приходила в себя, сомнения были долгими и мучительными. Самым близким другом и советчиком по жизни была мать, и теперь, когда ее не стало, Ольге предстояло самой сделать выбор – не ворошить прошлое или решиться на поиски.

Нельзя сказать, что ее страшила неизвестность, но она прекрасно понимала, что будущие открытия могут принести не только радость, но и сложности, даже разочарования. Что, если ее родные окажутся совершенно непонятными ей людьми, если они не захотят принять ее, если будут винить ее в том, что она так долго не искала их? Кроме того, она ни при каких обстоятельствах не допустит выпадов против Пилар, но так ли будут думать ее родственники в России?

Она никому не позволит критиковать Пилар, хотя (по справедливости, как нехотя признавала сама Ольга) ее русские родственники могут иметь на это и право, и доводы. Свое мнение есть у каждого, разве можно навязывать лишь нужное тебе? Казалось, что раздумьям не будет конца и Ольга еще больше замкнулась в себе, опасаясь как поверхностного сочувствия, так и постороннего влияния. Именно влияния, а не помощи. Так ее воспитала мать, тщательно избегавшая мелочной опеки даже над маленькой дочерью, не говоря

уже о повзрослевшей. Нет, это решение она должна принять сама, не перекладывая ответственность на чужие плечи.

Развязка произошла внезапно. Неделя была напряженной, на работе возник конфликт, на вечерние посиделки в баре не было ни сил, ни настроения. Хотелось тишины и немного понимания. Джеймс был в отъезде, в командировке в Лос-Анджелесе. Из-за разницы во времени поговорить не получалось, да оно, скорее всего, и к лучшему: он не выносил «ламентаций», к которым относил любые разговоры на тревожные темы, полные сомнений и неизбежных повторов. Идеальным слушателем был кот Матюша, но увы! — он не мог стать собеседником. Бесцельно побродив по квартире и заварив себе травяной чай, Ольга опустилась на диван. Кот устроился рядом, привалился теплым боком и Ольга незаметно уснула.

Проснулась она от какого-то внутреннего толчка, не зажигая света, подошла к окну и отодвинула тяжелую штору. Темная ночь матово светилась сквозь балконное стекло. Бесшумно и размеренно валил влажный снег. Он заполнял собой все пространство, неспешно оседая тяжелыми пушистыми хлопьями на припаркованные машины, на тротуары, на дороги, на крыши домов, на кроны старых деревьев, которые лениво стряхивали плотную мокрую вату, вновь и вновь подставляя свои крючковатые ветви под раздерганные на мелкие кусочки белоснежные лавины, сходящие неумолимой чередой с нависших небес. Ольга потянулась, страхи-

вая остатки сна, взлохматила сбившиеся во сне волосы и поняла, что она сейчас сделает: примет душ, заварит кофе и сядет за компьютер. Время есть, чтобы внимательно сравнить расписание и цены на авиабилеты в Россию...

...Расплатившись с таксистом, Ольга поправила на плече ремень сумки и покатила чемодан вдоль стеклянного здания аэропорта. Багаж оформили быстро, до выхода на посадку оставалось немного времени. Стараясь справиться с легким ознобом, она плотнее закуталась шарфом и прошла вглубь здания. Мощные вытяжки аэропорта не до конца справлялись с запахами кофе и утренней выпечки, из крошечных кондитерских магазинчиков струился приторный аромат ванили и свежего шоколада. В кафе было много свободных мест, но при виде металлических стульев озноб у Ольги усилился, пришлось искать заведение традиционно швейцарское, с деревянными столами и лавками. Заказала двойной эспрессо с сахаром, надеясь взбодриться после бессонной ночи. Усилием воли заставила себя успокоиться. Она была готова к переменам, но все произошло совсем не так, как она предполагала.

* * *

Всю похвалу в адрес своего жилища Камилла Уэст воспринимала как должное. Действительно, что может быть лучше традиционного английского дома – милого дома, даже если он находится далеко от Англии, в швейцарском кантоне Во? Закроешь массивную входную дверь и попадаешь в цар-

ство покоя и уюта, где простыни пахнут лавандой, а ухоженная старинная мебель источает приятный лимонный аромат радикального средства ухода за деревом «Смит энд Смит». В решетчатые окна, обрамленные ниспадающими льняными шторами, заглядывают кусты жимолости, паркетные полы натерты до матового блеска и покрыты тусклыми персидскими коврами ручной работы (конечно, потертыми; новое – это так вульгарно!). На стенах висят доставшиеся в наследство от бабушки Вильяма морские акварели в темных рамках с тончайшей золотой обводкой.

Миссис Уэст (Камилла для людей своего круга) обвела взглядом просторную гостиную. Камин чугунного литья, старинные часы с боем, вышитые гарусом диванные подушечки в россыпи викторианских роз. В глубине – выход на просторную веранду со стеклянным, плавно закругленным на стыках потолком, до которого почти доставили пальмы.

Безусловно, покойный Вильям (нет-нет, не первый, так рано скончавшийся, а второй муж, которого, по странному совпадению, тоже звали Вильямом) был прав, купив эту заброшенную каменную ферму, окруженную просторным участком. Да, в дом пришлось вложить немалые средства, не говоря уже об устройстве совершенно запущенного сада, но! Во-первых, у нее теперь был дом XVII века (далеко не все ее знакомые могли похвастаться такой родословной своего жилища), а во-вторых, его кадастровая цена выросла настолько, что затраченные на переустройство деньги можно

считать удачным вложением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.